

ВАЛЕРИ БОУМЕН

ПРЕЛЕСТНАЯ НАЕЗДНИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б72

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Valerie Bowman

SAVE A HORSE, RIDE A VISCOUNT

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
и Synopsis Literary Agency.

Боумен, Валери.

Б72 Прелестная наездница : [роман] / Валери Боумен ;
[перевод с английского Е. Максимовой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-167666-7

Граф Блэкстоун, вынужденный продать любимого арабского скакуна дочери, леди Теодоры Баллард, буквально разбил ей сердце. В попытке выкрасть четвероногого друга Теа позорно свалилась, сломала ногу — и теперь ей приходится пользоваться до крайности нежеланным гостеприимством соседа — члена парламента Эвана Фэйрчайлда, виконта Клейтона.

Они бесконечно раздражают друг друга. Они со страшной силой действуют друг другу на нервы. Они с каждым днем все сильнее друг в друга влюбляются и просто ничего не могут с этим поделать...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© June Third Enterprises, LLC, 2021

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-167666-7

*Моей подруге и сестре
по писательству Анне Беннетт*

Глава 1

*Загородное имение графа Блэкстоуна, Девон,
октябрь 1813*

— Я намерена украсть эту лошадь, — сказала леди Теодора Баллард своей камеристке Мэгги, когда та затягивала на ней корсет.

— Вы уверены, что это правильное решение? — отозвалась Мэгги, тяжело вздохнув.

Хозяйка и камеристка были почти ровесницы и близкие подруги с самого детства. Мать Мэгги служила горничной у матери Теи, и девочки вместе росли в этом имении. Матушка Теи — да упокоит Господь ее душу — была дамой, чуждой условностям и формальностям, поэтому только радовалась дружбе дочери с дочкой своей горничной. И самих девочек, несмотря на очевидную и неизбежную разницу в обучении и воспитании, не беспокоила разница в положении в обществе. Когда пришло время, у Теи не было сомнений, кто станет ее камеристкой. В отличие

от своей хозяйки и подруги Мэгги никогда не была особенно общительной, уверенной в себе и безрассудно смелой и всегда пыталась отговорить подругу от очередной авантюры, на которые та была мастерица.

— Вообще-то никакое это не воровство, — пояснила Тея, заправляя за ухо непослушный темный локон. — Это же моя лошадь. Ну по крайней мере, так предполагалось.

Тея подняла руки, и Мэгги, надевая на нее платье, заметила:

— Но вы же сказали, что ваш брат не сумел выиграть аукцион.

Мэгги, невысокая светловолосая девушка с пухлыми щечками и темно-кариими глазами на миловидном лице, почти всегда улыбалась, если только ее хозяйка не попадала в очередные неприятности. В этих случаях Мэгги хмурилась и пыталась, в точности как сейчас, вразумить подругу.

Тея возвела глаза к потолку:

— Ну да, проиграл, но при чем здесь я? Я предупредила Энтони: только выигрыш. Если бы только на эти проклятые торги допускали женщин, уж я бы точно не проиграла.

Мэгги изогнула бровь и осторожно спросила:

— Может, ваш отец установил для лорда Энтони лимит? Для его кошелек?

Ей ужасно не хотелось затрагивать эту тему, но, возможно, это важно.

— О, я почти не сомневаюсь в этом, — на удивление быстро согласилась Тея. — Именно поэтому я и намерена отправиться на поиски отца сразу же, как ты закончишь меня одевать.

— Тогда вперед — я уже закончила, миледи, — улыбнулась Мэгги и легонько провела рукой по спине девушки, где все пуговицы были надежно и правильно застегнуты.

Теодора крутанулась на месте, мельком взглянув на себя в зеркало. Ее никогда особо не волновала собственная внешность. Она больше интересовалась верховой ездой и лошадьми, чем модными туалетами, украшениями и новейшими прическами. В зеркале отразилось совершенно прелестное платье, модистка только что его дошила: атласное, цвета персика, по подолу и рукавам расшито крошечными цветочками. Дополняли его белые чулки, перчатки и расшитые бисером туфельки в тон. Внешний вид вполне подобающий, хотя внутри она просто кипела от досады.

Тея вздернула подбородок:

— Вот бы мне нарядиться мужчиной и явиться на тот аукцион!.. Клянусь, я бы его выиграла.

Мэгги резко втянула воздух и покачала головой:

— О, пожалуйста, только не это! Да у меня бы припадок случился, если бы пришлось одевать вас в мужское платье. Я все-таки камеристка, а не камердинер.

Она фыркнула, а Тея улыбнулась, расправила плечи и громко вздохнула.

— Ну что ж, полагаю, пора. Спасибо за помощь, Мэг, и пожелай мне удачи.

— Всегда пожалуйста, и поможет вам Господь.

— Да, его помощь не будет лишней.

Подхватив юбки, Теодора выпорхнула из спальни и направилась в отцовский кабинет. Граф Блэкстоун нечасто бывал дома: предпочитал проводить время в Лондоне с любовницей. Тея приказала себе не думать об этом: от подобных мыслей гнев ее становился только сильнее. Сейчас отец приехал в имение, чтобы проверить, как идет подготовка к рождественскому балу. Вне всяких сомнений, после того как поговорит с экономкой и дворецким, он вернется в Лондон. Но пока выпала идеальная возможность спросить отца про аукцион лошадей, и Теодора решила ею воспользоваться. В конце концов, именно он виноват в том, что эта лошадь вообще попала на аукцион.

Она прошла по широкому верхнему коридору, спустилась по мраморной лестнице, которая вела

в холл, пересекла его и оказалась в другом коридоре, соединявшем основное здание с западным крылом, где и находился отцовский кабинет.

Дверь, как всегда, была слегка приоткрыта: отец должен был знать, кто проходит мимо, а то и окликнуть. Тея сунула нос в щель, прежде чем войти. За письменным столом сидел мужчина средних лет, весьма привлекательный, с легкой сединой на висках. Тея была очень похожа на него — во всяком случае, так всегда говорила мать. Да, темно-каштановые волосы и серые глаза она действительно унаследовала от него, зато темперамент — нет. Может, поэтому они редко приходили к согласию.

— Я тебя вижу, мисс, — послышался голос отца. — И совершенно точно знаю, зачем ты пришла.

Тея решила, что это приглашение войти, широко распахнула дверь и, шагнув внутрь, любезно, но без сюсюканья произнесла:

— Доброе утро, отец.

Они с отцом никогда не были особенно близки и уж тем более на так называемой дружеской ноге. Большую часть ее детства он провел в Лондоне, а как раз перед смертью матери Тея узнала, чем он все эти годы там занимался. Отец всегда был для нее элегантным, хорошо воспитанным незнаком-

цем, с которым время от времени приходилось разговаривать. Сегодня был как раз тот самый случай. Тея всегда стремилась сделать их встречи короткими и по возможности официальными.

Граф нахмурился:

— Я ждал твоего визита. Энтони вчера вечером вернулся и сообщил, что проиграл аукцион в Лондоне.

Тея подошла к широкому столу красного дерева и заявила:

— Да, именно поэтому я здесь. Тот арабский скакун — мой.

— Это очень дорогая игрушка, Теодора, — жестко парировал Блэкстоун. — Ты даже не представляешь, за какую цену он в конце концов ушел.

Тея сжала губы. Он опять назвал ее «Теодора», как всегда. Никто не зовет ее так, только он. А вот на его замечание по поводу цены лошади ей хотелось ответить: «В таком случае, может, не стоило его продавать, чтобы потом не пришлось покупать», — но вместо этого она сказала:

— Я разрешила Энтони взять деньги из моего приданого, если потребуется. Ведь не может же лошадь стоить больше.

Тее огромного труда стоило оставаться спокойной, хотя все в ней кипело и бурлило от обиды и досады.

Граф откинулся на спинку стула и прищурился:

— Отдать твоё приданое за лошадь? Прежде всего, я ни под каким видом не одобрил бы подобную сделку. Но что, если я скажу, что за эту лошадь отдали изначально установленную цену плюс твоё приданое и все это умножили на два?

У Теи отвисла челюсть, но она быстро пришла в себя, захлопнула рот и выдохнула:

— Этого не может быть! Ни одного арабского скакуна не продавали за такие деньги.

— Поверь, именно за такую цену он и ушел. Я сам был потрясен, когда узнал. Не сомневаюсь, что Энтони сделал все возможное, но я не давал ему разрешения тратить даже половину такой суммы.

— Не могу поверить, чтобы хоть кто-то заплатил так много, — отозвалась Тея, подперев подбородок большим пальцем, и покачала головой, пытаясь переварить поразительную новость. Кто мог заплатить такую цену? Это же абсурд. Животное, конечно, великолепное, почти идеальный образец лошадиного племени, но такие деньги... это просто бред.

— Я подозреваю, что это как-то связано с историей скакуна: прежде он принадлежал герцогу Харлоу, — добавил граф.

Брови Теи сошлись в ниточку.

— Герцог Хар...

Договорить ей не дал Энтони, шагнувший в кабинет. Увидев ее, брат остановился как вкопанный, окинул ее настороженным взглядом и хотел было уйти, но граф его остановил:

— Входи, Энтони, мы как раз говорим о том, что касается нас всех.

— Боюсь, Тея кинется на меня и выцарапает глаза, — отозвался тот, усмехнувшись, но все же вошел в кабинет, хотя и продолжал внимательно наблюдать за сестрой.

Тея же, скрестив руки на груди, уставилась на брата.

— Отец только что сказал, за сколько продали араба.

Энтони вздохнул:

— Поверь, я сделал все, что мог. Мне даже в голову не могло прийти, что кто-нибудь готов предложить такую цену.

— Ты уверен, что ничего не напутал? — уточнила Тея, не в силах поверить услышанному.

Энтони расхохотался и покачал головой:

— Я хоть и старше тебя на пять лет, но глухотой и маразмом пока не страдаю, поэтому совершенно уверен, что араба продали именно за такую астрономическую цену.

— Это каким же надо быть богатым и азартным, чтобы столько заплатить? — воскликнула Тея.

Ее гнев на брата мгновенно переместился на новую цель — на того толстосума, который заплатил целое состояние за ее лошадь.

Энтони потер затылок и пояснил:

— Дело тут не только в родословной и физических данных скакуна: раньше он принадлежал герцогу Харлоу. Вся Англия знает эту печальную историю.

Тея улыбнулась: конечно же, она знает историю герцога Харлоу, или, точнее, бывшего герцога. Мэгги регулярно читала Тее светскую хронику из «Таймс» — эта история была опубликована именно там. Шесть лет назад араба купили у графа Блэкстоуна для младшего брата бывшего герцога, солдата, и тот взял жеребца на войну. Сам молодой человек погиб на континенте, и по приказу Веллингтона лошадь со всеми предосторожностями привезли обратно в Англию и вернули герцогу Харлоу.

Разумеется, скакун не мог заменить герцогу брата, но погибший обожал жеребца, который стоил целое состояние еще до того, как его продали на аукционе за умопомрачительную сумму.

Однако печальная история герцога Харлоу на этом не заканчивалась. Не прошло и двух месяцев после возвращения жеребца, как герцог неожиданно умер во сне. Поскольку жениться он не успел, а его младший брат уже погиб, титул и все его земное достояние, включая жеребца, было продано с аукциона будущим новым герцогом Харлоу, каким-то дальним родственником, который по прибытии в Лондон сразу же оказался в центре скандалов и всяческих бесчинств. Согласно разным источникам, это был игрок, гулена и пьяница, и вдовствующая герцогиня, мать покойного герцога, все еще носившая траур по обоим сыновьям, чуть волосы на себе не рвала от стыда, глядя, какой позор этот распутник и негодяй навлекает на доброе имя семьи.

Тея, конечно, сочувствовала вдовствующей герцогине, но беды семейства герцога Харлоу ее не касались. Раз уж лошадь все равно купили на аукционе, то с таким же успехом это могла сделать и она сама. В конце концов, раньше этот арабский жеребец принадлежал ей, и не будь ее отец таким эгоистичным чурбаном, он никогда бы его не продал.

— Мне, конечно, очень жаль бедную леди и все семейство Харлоу, но я хотела бы получить

эту лошадь вовсе не из-за слухов о ее бывшем владельце, — заявила девушка.

Нет, она хотела вернуть этого жеребца в память о матери. У них была общая страсть — верховая езда. Алабастер, арабский жеребец, родился у маминой кобылы Хелены. И все те месяцы, что мама пролежала в постели, единственной отдушиной для Теи оставалась верховая езда. Она потеряла не только мать, но и свою лошадь. Жеребца буквально выдернули из-под нее. Отец, не теряя времени, продал лошадку жены, а герцог Харлоу, пожелавший купить Алабастера, удвоил сумму, когда узнал, что жеребец от этой кобылы.

Граф, на все готовый ради денег, продал обеих лошадей, пока Тея держала мать за руку, уговаривая выпить хотя бы глоток воды, и протирала влажной губкой ее пылавшее жаром тело. Ему не было никакого дела до умирающей. Все эти месяцы он почти не заглядывал к жене, а о продаже лошадей он извещал Тею письмом! Алабастера увезли раньше, чем Тея успела зайти в конюшню, чтобы в последний раз его увидеть.

Ее всегда трясло от гнева, стоило вспомнить все это. На похоронах матери Тея сказала отцу, что никогда не простит ему это предательство. Граф же списал ее реакцию на возраст — мол, ей всего восемнадцать — и на шок от смерти